

Лю Сюаньань подошёл к Лян Шу, промокший до нитки. Волосы беспорядочно прилипли к лицу, отчего кожа казалась ещё бледнее. Лян Шу взял его за запястье и увёл в заброшенный храм — некогда самое унылое и развалившееся место в городе, но теперь, из-за отсутствия жителей, ставшее чистым убежищем. Охранники разожгли костёр, а Лян Шу обернул его плащом и, нахмурившись, спросил:

— Зачем ты пришёл?

— Хотел посмотреть, — ответил Лю Сюаньань, не зная, что сказать. Стоя на горе, он впервые увидел битву. Его потрясли серебристые безмолвные грифы в небе, чёрные доспехи на земле и грандиозная симфония боевых барабанов с громом. Ему не терпелось поделиться этим с Лян Шу, но теперь он был весь в крови.

Война оказалась куда жестокой, чем он представлял. Даже эта быстрая, небольшая осада города унесла столько жизней, что вся Великая Янь могла бы погрузиться в траур. В Небесном Дао жизнь и смерть равны — это свободное духовное устремление. Поэт может быть погребён под персиковым деревом или упоённо ступать по облакам, но не должен гибнуть от клинка, от отчаяния.

Лю Сюаньань плотнее укутался в плащ и протянул руку, чтобы стереть каплю крови с лица Лян Шу.

Костер отогнал холод, а суета солдат снаружи придала месту оживлённости. В голове Лян Шу пульсировала боль, но он собрался с силами:

— Отдохни здесь, я распоряжусь, чтобы тебя проводили из города.

Лю Сюаньань посмотрел на него:

— Когда-нибудь этот день обязательно настанет.

Лян Шу спросил:

— Правда?

Лю Сюаньань кивнул.

Лян Шу вздохнул:

— Тебе ведь четыре тысячи восемьсот лет, так что обманывать нельзя.

— Не обманываю. Все будут сыты, и все смогут учиться.

Когда не будет забот о хлебе насущном, когда люди станут грамотными и воспитанными, цивилизация одолеет дикость, и у всех появится больше времени для размышлений. Лю Сюаньань не знал, сможет ли он сам взлететь на сорок восемь тысяч чжанов, но был уверен: в будущем непременно найдётся тот, кто достанет луну и звёзды.

Лян Шу страдал от невыносимой головной боли и не мог думать, но несколько слов Лю Сюаньана немного развеяли гнетущую тяжесть в его сердце, и он кивнул. Лю Сюаньань тыльной стороной пальца дотронулся до его лба, проверяя температуру, но Лян Шу отклонился и спросил:

— Есть средство от головной боли?

— Есть, но только для облегчения, — ответил Лю Сюаньань, доставая маленький свёрток с серебряными иглами. — Сиди смиренно и не разговаривай.

Лян Шу прислонился к колонне и закрыл глаза.

Когда вошёл Гао Линь и увидел, как второй господин Лю держит голову его князя, он, не проронив ни слова, тут же развернулся и вышел — проявил такт и понимание. Но Лян Шу уже услышал шаги и крикнул:

— Вернись!

Лю Сюаньань тоже обернулся.

Только тогда Гао Линь разглядел: а, так это иглоукалывание.

Раз речь об иглах, говорить лишнее не стоит, а то лишь разозлишь больного. Он хотел отделаться парой ничего не значащих фраз, но Лян Шу сам спросил:

— Где Люй Сян?

— Заперся, тайком пишет доклад, — пришлось ответить Гао Линю. — Вряд ли замыслил что-то доброе.

Хотя Цинъян и был взят, победа далась слишком дорогой ценой. Даже если двор не станет наказывать, уж точно не станет хвалить. Люй Сян, опасаясь, что на него свалят вину за все эти невинные души, решил ударить первым. В докладе он подробно изложил, как Его Высочество князь Сяо, вопреки увещаниям, решил атаковать сначала Цинъян, а не Саньшуй, что и привело к кровавой резне. Закончив, он добавил несколько патетических фраз, перечитал несколько раз, счёл, что всё надёжно, сунул секретное донесение в рукав и с невинным видом вышел из комнаты.

У дверей его ждал Гао Линь с людьми, державшими наготове мечи.

Лицо Люй Сяна перекопилось:

— Что значит сие, адъютант Гао?

— Князь просит командующего Люй к себе, — ответил Гао Линь.

Люй Сян, глядя на сверкающие в дворе клинки, не двигался с места. Наконец, с потемневшим от злобы лицом, он выдавил:

— Князь хочет сделать из меня козла отпущения? Жителей Цинъяна погубили мятежники. Государь, возможно, и не будет недоволен, так к чему же спешить с поисками виноватого? Только насмешки навлечёте.

Гао Линь покачал головой:

— А почему жители Цинъяна не уцелели? С тех пор как Хуан Вансян поднял знамя на горе Гаолян, вы, командующий Люй, разве не то и дело выпрашивали у двора серебро? Какой-то деревенский мужик смог разрастись у вас под носом, при десятках тысяч расквартированных войск. Это он всемогущ оказался, или вы, командующий, пожалели придавить этого свалившегося с неба бога богатства? Если бы мятеж подавили в зародыше, разве были бы ныне смута в трёх городах и гибель народа!

Люй Сян стиснул зубы:

— Адъютант Гао, не возводите напраслину!

Гао Линь взмахнул рукой, и перед Люй Сяном с грохотом шлёпнулась толстая пачка бухгалтерских книг.

— Командующему кажется, что мы поторопились? А князь терпел всю дорогу. Если бы не время, нужное, чтобы раздобыть эти штуки, вам, командующий, и в голову бы не пришло вчера запираяться в комнате да строчить дворцу небылицы. Взять его!

— Как вы смеете! — Люй Сян выхватил меч. — Я назначен лично государём!

Не успев договорить, он получил от Гао Линя пинок и влетел обратно в комнату. Оба были военными, но один — ленивым обжорой, думавшим лишь о наживе, а другой — костями проросшим в северо-западных песках. Люй Сян знал, что не потягается с Гао Линем, но не ожидал, что тот осмелится наглеть до такой степени, попирая волю двора. В запале он закричал:

— Неужели князь Сяо задумал мятеж?!

— Хватит фантазировать, — Гао Линь присел перед ним. — Скажу прямо: улики в ваших корыстных злоупотреблениях собрали люди государя. Они уже отправили копии в Королевский город. Командующий Люй, вы не только не раскаялись, обнаружив свои преступления, но и попытались посеять раздор между государем и князем, братьями по крови. Сами накликали на себя погибель.

Лицо Люй Сяна побелело:

— Государь?

— Сейчас не понимаете — ничего, в тюрьме будет время подумать, — Гао Линь поднялся и приказал связать его и увести.

Но даже остыв в темнице, Люй Сян, наверное, так и не понял бы, как это люди государя вдруг объявились в Цинъяне и почему помогали князю Сяо. Неужели подозревали его с самого начала?

Бедному его воображению, пожалуй, до самой смерти не додуматься, что те придворные здоровяки изначально приехали лишь присматривать за сватовством.

Адъютант Ли, всю дорогу рубивший деревья, тоже был связан и доставлен к Гао Линю. Он оказался менее стойким, чем Люй Сян, и быстро признался, что набивал карман под видом реквизиции зерна, заодно сдав всех сообщников. Эту свору паразитов согнали на городскую площадь и заставили три дня стоять на коленях перед чем-то чёрным — два дня под проливным дождём и один под палящим солнцем, пока у них не потрескались губы и они не попадали без чувств, так и не поняв, чему это поклоняются.

А-Нин спросил:

— Что это было?

— Собака из деревни Сяочжао, которую убили солдаты, — ответил Лю Сюаньань.

Не зная правды, А-Нин тогда оторвал кусок жареного мяса, чтобы накормить прикованного цепью измождённого юношу. Позже он узнал, что это была его собака. Потом это мясо забрал Лян Шу, оно высохло и стало похоже на чёрный камень, не тронутый ни дождём, ни солнцем. Его положили на возвышение, и те, кто обирал народ, кланялись ему три дня, пока им не отрубили головы. Тогда Гао Линь завернул его в ткань и похоронил в выкопанной яме.

Лян Шу не хотел, чтобы Лю Сюаньань видел это, но второй господин Лю на этот раз не согласился с «можно и не смотреть».

Он остался в городе, засунув руки в рукава, и отказался уходить.

Мятежники, перебив горожан, покончили с собой, перед смертью выкрикивая проклятия: в следующей жизни они родятся голодными волками, голодными тиграми, чтобы растерзать всех родичей императора и продажных чиновников. Несколько тех, у кого хватило духу резать глотки простолюдинам, но не хватило духу резать свою, были взяты живыми армией Янь и, дрожа от страха, рассказали об этом Гао Линю.

— Возможно, в их следующей жизни мир уже настанет, — медленно проговорил Лю Сюаньань.
— Города будут утопать в роскоши, на рынках засияют жемчуга и самоцветы, в домах будет шелк, а в деревнях — вино и свинина. Куда ни глянь — на десять ли вокруг благоухают рисовые поля, и каждый найдёт, чем насытиться. Тогда не будет нужды ни в ненависти, ни в том, чтобы становиться волками или тиграми. Все будут просто мирными людьми в мирное время.

<http://bllate.org/book/16268/1464362>